

ГОЛЕНИЩЕВ И МЫ¹

Стопятидесятилетие со дня рождения Владимира Семеновича Голенищева – событие огромное. Его колоссальная фигура стоит у истока русской египтологии и является одной из самых безусловных в египтологии мировой. Однако писать традиционную юбилейную статью очень не хочется, тем более что апологетики в его адрес было уже предостаточно. Еще раз говорить о научных достижениях Голенищева ни к чему – все, что можно было о них сказать, уже было сказано и написано пятьдесят лет назад, когда отмечалось его столетие², и за прошедшие полвека оценка сделанного им не изменилась, что само по себе есть наивысшая оценка, которую дает только испытание време-

---

¹ Настоящая статья представляет собой несколько переработанный текст выступления, открывавшего Петербургские египтологические чтения 2006 г., посвященные юбилею В.С. Голенищева.

² Например: *Струве В.В.* 100-летие со дня рождения В.С. Голенищева // Вестник АН СССР. 1957. № 2. С. 130–132; *он же.* К столетию со дня рождения В.С. Голенищева // ВДИ. 1957. № 4. С. 3–7, а также ряд статей разных авторов в юбилейном сборнике «Древний Египет». М., 1960.

нем. Говорить же о нем как о личности невероятно трудно. После смерти Б.А. Тураева в России не осталось никого, кто знал бы его сколько-нибудь хорошо (только В.В. Струве консультировался у него студентом, да существует легенда о встрече с ним Н.Д. Флиттнер еще до прихода ее в науку³), и требуется очень серьезное исследование архивных материалов⁴, а это задача совершенно особая, прежде всего в том, что касается египетского периода его жизни. Наконец, память его заслуживает гораздо большего, чем еще один формальный перечень заслуг. Все это заставляет меня пойти по нетрадиционному пути и поразмышлять о том, что такое Голенищев для нас, русских египтологов, живущих уже в XXI в. Полагаю, что такой подход вполне оправдан – в конце концов, к прошлому мы обращаемся главным образом затем, чтобы лучше понять себя, и с этим ничем не поделаешь. Итак, *Голенищев и мы* – а может быть, в не меньшей степени, *мы и Голенищев*.

Когда речь заходит о Голенищеве, на ум сразу же приходят две важнейшие его характеристики – великий талант и столь же великая удача. Вообще говоря, это два компонента успеха всякой творческой личности, к которым – само собой разумеется – следует добавить труд. Без таланта и труда ничего значительного сделать нельзя, но и без удачи не обойтись, ибо она является обязательным условием реализации того, что позволяют сделать талант и труд. К сожалению, мы знаем немало случаев, когда фатальное невезение задерживало или даже останавливало ученого: так было, например, с Тураевым, умершим только-только подойдя к своей вершине, и с его учениками, не успевшими достигнуть даже научной зрелости. Иное дело Голенищев. Судьба всегда покровительствовала ему, давая гораздо больше, чем окружающим. Особого упоминания заслуживают два дара – богатство и долголетие.

Сказать, что Голенищев был богат, значит не сказать ничего – средства его были огромны. К тому же его деньги очень сильно отличались от денег большинства его собратьев по коллекционированию, прежде всего американских. Если Ч.Э. Вильбур или Ч.Л. Фрир создавали свои состояния сами, посвятив накоплению, как всегда бесчестному, большую часть жизни, то он свои средства унаследовал, не испачкав рук и не продав души. Они были для него просто естественным фоном, условием, изначально обеспечивавшим то, что было для него главным – собиране египетских памятников. В таких благоприятных условиях в истории египтологии находились очень немногие, а сочетание таланта и богатства дело вообще редчайшее, и здесь рядом с Голенищевым можно поставить разве что Э.Х. Гардинера. В результате Голенищеву удалось создать частную коллекцию, не знающую аналогий в мире. Коллекционированием занимались богатые бездельники, и их собрания случайных вещей, вырванных из контекста, оказывались обычно не более чем памятниками тщеславию и бесполезными украшениями замков и особняков. Коллекционировали богатые любители, иной раз, как тот же Вильбур, достигавшие довольно больших высот, но их знания все же отличались дилетантизмом, а выбор страдал субъективизмом. Попытались коллекционировать и ученые, но их финансовые возможности не позволяли создать сколько-нибудь значительные собрания. Голенищев в годы процветания мог приобрести все, что считал нужным, а знания его позволяли очень точно определить, что именно нужно, причем с точки зрения не только полноты коллекции, но и научного значения каждого памятника. В этом отношении он превосходил любой музей, и неудивительно, что его коллекция, влившись в московский Музей изящных искусств, сразу же, без изменений и дополнений, создала целый отдел.

Точно так же обстоит дело и с долголетием Голенищева. Он был всего на десять лет младше Г. Масперо, свой первый памятник он купил в 1870 г. – через пять лет после того, как Р. Лепсиус стал директором Египетского музея в Берлине и через год после рож-

³ *Варшавский С.П., Рест Ю.И.* Билет на всю вечность. Л., 1981. С. 372–373.

⁴ Из уже сделанного следует упомянуть интереснейший сборник документов: Выдающийся русский востоковед В.С. Голенищев и история приобретения его коллекции в Музей изящных искусств (1909–1912 гг.). М., 1987 (Из архива ГМИИ. Вып. 3).

дения К. Зете, а его первые статьи⁵ вышли на год раньше первой статьи А. Эрмана. Все развитие египетской археологии и филологии прошло на его глазах: при нем стала известной значительная часть царских гробниц и большинство литературных произведений, были разработаны научные принципы раскопок и копирования текстов, вышел первый том первого египтологического журнала⁶ и началась и завершилась публикация берлинского Словаря. За время его жизни сменилось несколько поколений египтологов, в России возникла и погибла школа Тураева, сложилась и достигла вершины школа Струве, и произошло еще очень много другого. Египтология, которую он видел в конце жизни, была уже совершенно другой наукой по сравнению с тем, что он застал студентом. Радикально изменился и Египет – он успел побывать под властью потомков Мухаммада Али, пережить британскую оккупацию и протекторат и почти всю тридцатилетнюю новую монархию; были сооружены Суэцкий канал и первая Асуанская плотина (да и до начала строительства второй оставалось немного), был создан Египетский музей в Каире и учрежден Каирский университет. При этом долготеление Голенищева было творческим – он работал до последнего дня (и умер за письменным столом), и за годы после отъезда из России написал не меньше, чем за первую половину жизни (а если учитывать неопубликованное, то гораздо больше). Так долго и так постоянно в египтологии работали, пожалуй, лишь У.М.Ф. Питри и Ж.-Ф. Лауэр.

Влияние Голенищева на мировую науку очень велико. Прежде всего оно связано с открытием и введением в научный обиход большого количества текстов, главным образом литературных. По части первого он установил абсолютный рекорд, который уже никем не будет побит, если только не будет найден тайник со множеством новых текстов, что практически невероятно. По части публикации он сделал меньше, однако именно по его изданию⁷ до сих пор изучаются «Сказка о потерпевшем кораблекрушение», «Поучение для Мерикара» и «Пророчество Неферти»; к этим классическим текстам следует добавить и менее важные папирусы Каирского музея, опубликованные им в соответствующем томе *Catalogue général*⁸. Важным для изучения папирусов было и то, что Голенищев легко разрешал работать с ними и публиковать их своим коллегам – так стали доступными для египтологов «Гимны диадемам»⁹ и «Ономастикон Аменемопе»¹⁰. Такой щедрости в египтологии больше не проявлял никто.

Голенищеву везло даже там, где он сталкивался с тем, что иначе как бедой не назовешь. Такова история его разорения. Оно мгновенно превратило богача в человека пусть и не совсем без средств, но, во всяком случае, сильно в средствах ограниченного. Однако именно оно дало новый импульс творчеству Голенищева, переориентировав его с собирательства и изучения собственных памятников, ставших после отъезда из России недоступными, на более теоретическую проблематику и преподавание. Более того, в перспективе оно оказалось благом для двух школ египтологии.

Во-первых, как это ни странно, для русской школы. Если бы Голенищев не покинул России до начала Первой мировой войны, после революции он бы, несомненно, либо эмигрировал, либо был бы выслан (если бы только не случилось худшего). Тем самым по официальным понятиям он оказался бы белоэмигрантом, и его имя и работы были бы вычеркнуты из истории русской науки. Отъезд до революции создал ему совершенно иной статус – он просто перестал существовать как реальный человек, превратился в

⁵ Über die Aussprache des Wortes ꜥ und über das Wort ꜥꜣꜣꜣꜣ // ZÄS. 1874. 12. S. 35–36. Eine ältere Redaktion des 108 Kapitels des Totenbuchs // ZÄS. 1874. 12. S. 83–85.

⁶ Zeitschrift für ägyptische Sprache and Altertumskunde. Bd 1. Lpz., 1863.

⁷ Les papyrus hieratiques nos 1115, 1116 A et 1116 B de l'Ermitage Imperial a St.-Petersbourg. SPb., 1913.

⁸ Papyrus hiératiques. Fasc. I. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire, nos 5800–58036. Le Caire, 1927.

⁹ Erman A. Hymnen an das Diadem der Pharaonen aus einem Papyrus der Sammlung Golenischeff // APAW. Philos.-hist. Klasse. 1911. Abh. 1.

¹⁰ Gardiner A.H. Ancient Egyptian Onomastica. Vol. I–III. Oxf., 1947.

явление далекого прошлого, преследовать память которого было просто незачем¹¹. Голенищев даже стал знаменем советской египтологии, которая очень хотела связать свое начало со столь грандиозной фигурой. Связь эта, разумеется, была весьма относительной, поскольку послереволюционная наука восходила даже не к Тураеву, а к Струве, но все же очень характерно, насколько создатели сборника, посвященного столетнему юбилею Голенищева¹², старались возводить традицию, которой они принадлежали, именно к нему. Впрочем, хотя здесь было больше желаемого, чем действительного, ничего плохого в таком мифе не было: советская египтология обрела в Голенищеве хорошо укорененный в прошлом ориентир, на который она могла равняться, что было особенно важно в условиях ее неоднократного пересоздания. Очень важно и то, что отъезд Голенищева полностью вывел его из сферы действия идеологической критики. Если признаваемого и почитаемого Тураева все-таки было принято порицать за идеализм (впрочем, он действительно был последовательным идеалистом), то против Голенищева, кажется, не было сказано ни единого слова. Разумеется, дело отчасти в прагматизме и позитивизме Голенищева, до обращения к изучению египетской грамматики мало интересовавшегося концептуальными построениями, которые могли бы раздражать, но оказался он поближе, и грехи бы нашлись – было бы лишь желание найти.

Во-вторых, разорение и отъезд Голенищева были благом для египетской науки. Трудно представить крупного и успешного европейского профессора, всецело посвятившего себя в те времена обучению египтян египтологии. Ни англичане, ни французы и пальцем не ударили для обучения национальных кадров; более того, они противились их появлению – достаточно вспомнить хотя бы историю первого египетского египтолога Ахмеда Камала, которого десятилетиями не пускали в науку¹³. Голенищев в иной ситуации тоже не стал бы этим заниматься, но лишившийся состояния и не имевший в послевоенном мире возможности найти работу в Европе или Америке, он был вынужден начать преподавание в Каире. В результате этого возникла национальная школа, с благодарностью видящая в русском ученом своего создателя¹⁴. Каков сейчас уровень этой школы дело совершенно иное, ибо он определяется прежде всего общим положением в Египте, где вредно быть умным и полезно послушным, но если бы не Голенищев, она возникла бы позже и была бы в большей степени заражена национализмом.

При всем значении Голенищева для мировой науки на науку русскую он оказал влияние гораздо меньшее, чем мог бы, и дело здесь опять в его удаче, только повернувшейся к нам уже другой стороной. Богатство давало ему неслыханную свободу выбора, но эта свобода, всячески способствовавшая его творчеству, ему же и мешала. Он имел возможность заниматься только тем, чем хотел, и был независимее, чем кто-либо в египтологии (за исключением уже упоминавшегося Гардинера). Интересовало же его прежде всего коллекционирование. В том, что касается самого собирания, им было сделано чрезвычайно много. Он был прекрасным знатоком рынка древностей, умел находить и выбирать памятники и на месте оценивать их значение, он обладал знаниями, позволявшими понимать и интерпретировать сложные тексты – но ему не хотелось отвлекаться и тратить время на рутинную работу, неизбежную, если ты практически занимаешься памятниками. В результате на момент продажи коллекции она не была по-настоящему описана и систематизирована, и даже отсутствовали какие-либо записи, касающиеся происхождения вещей. А ведь Голенищеву было уже за пятьдесят – возраст, когда пора задумываться о подведении итогов. Он, похоже, очень верил в свою судьбу, которая

¹¹ Кстати, трудам Тураева хотя и по-другому, но в том же духе повезло: их автор ушел из жизни до репрессий против него – он не успел сделаться идеологическим врагом и считался всего лишь отчасти заблуждавшимся.

¹² Древний Египет. М., 1960.

¹³ О нем см. *Forbes D.C. Ahmed Kamal (Pasha) (1851–1923)* // *K.M.T. Vol. 16/1. Spring 2005. P. 82–84.*

¹⁴ Свидетельство тому открытие в этом году бюста Голенищева в каирском мемориале Мариэтта – честь, которой за всю историю египтологии удостоились единицы.

должна была даровать ему еще много лет (и здесь он был прав), но в этом случае его уверенность в удаче стала нашей бедой. Многое из того, что он знал о вещах, уже невозстановимо, и это, разумеется, снижает их ценность.

Даже там, где им уже было сделано многое, он зачастую не доводил работу до конца. Так было, например, с «Отчетом Унуамона»: Голенищев понял этот важнейший текст¹⁵, но до публикации его так и не дождался. Возможно, еще досаднее история с его работой о таниссских сфинксах и эрмитажном Аменемхете III. Небольшая, но блестящая статья, посвященная этим статуям¹⁶, сделала Голенищеву родоначальником стилистического анализа египетского портрета, однако перейти от конкретных памятников к рассмотрению более широкой проблематики он не захотел. Сложнее оценить то, что произошло с его главной теоретической работой – огромным исследованием египетского синтаксиса. Оно должно было подвести итоги его практической работы с текстами, но было начато слишком поздно, в том возрасте, когда многие уже уходят из жизни, и пять томов его остались незавершенными и неопубликованными. Невозможно критиковать Голенищеву за медлительность – она вызвана предельной добросовестностью, но очень досадно, что он не успел довести свой замысел до конца. Поскольку почти никто не видел этой работы, мы не знаем, была бы она лучше или хуже того, что писалось на эту тему, но это и не важно. Важно то, что она, несомненно, была бы другой – уже хотя бы потому, что Голенищев весьма критично относился к школе Эрмана, предопределившей развитие изучения египетского языка настолько, что до сих пор исследования ведутся либо в заданных ею рамках, либо в борьбе с нею. Появление альтернативной теории было очень желательно, тем более теории, созданной человеком, родной язык которого имеет совершенно иной строй по сравнению с языками общепризнанных европейских грамматистов. Увы, едва ли труд Голенищева будет когда-либо опубликован, и в любом случае изменить что-либо он уже не в состоянии – слишком далеко ушла египетская филология по своему пути, чтобы резко свернуть с него.

Интересно, что там, где свобода его хотя бы отчасти ограничивалась, Голенищев вел себя по-другому. Находясь на службе в Эрмитаже, пусть даже и без жалования, он утрачивал независимость, чувствовал ответственность перед музеем, и в результате по эрмитажным памятникам им сделано гораздо больше, чем по собственным. Речь идет о единственном полном (на тот день) описании коллекции и о публикации папирусов. Голенищевский каталог 1891 г.¹⁷ можно критиковать за отсутствие хотя бы единичных воспроизведений вещей, однако ошибок в нем чрезвычайно мало¹⁸, а вышел он раньше подобных описаний коллекций Британского музея¹⁹ или Лувра²⁰. Транслитерации же «Поучения для Мерикара» и «Пророчества Неферти», опубликованные в 1913 г., до сих пор остаются основой для интерпретации этих текстов, причем даже в большей степени, чем фотографии папирусов²¹, так что даже неточности голенищевских чтений переходят из работы в работу (см., например, сводные транскрипции В. Хелька²²).

¹⁵ Papyrus hiératique de la collection W. Golénischeff, contenant la description du voyage de l'égyptien Ounou-Amon en Phénicie // RT. 1899. 21. P. 74–102.

¹⁶ Amenemhâ III et les sphinx de «Sân» // RT. 1893. 15. P. 131–136.

¹⁷ Ermitage Impérial. Inventaire de la collection égyptienne. SPb., 1891.

¹⁸ Например, совершенно невозможная датировка саркофага Мапуи (Ibid. P.110), хотя, впрочем, это и не ошибка – она объясняется существовавшим в то время абсолютным доверием к присутствию царских картушей как датировочному критерию.

¹⁹ Budge E.A.W. A Guide to the First and Second Egyptian Rooms. [L.], 1898; *idem*. A Guide to the Third and Fourth Egyptian Rooms. [L.], 1904; *idem*. A Guide to the Egyptian Galleries (Sculpture). [L.], 1909; *idem*. A Guide to the Fourth, Fifth and Sixth Egyptian Rooms, and the Coptic Room. [L.], 1922.

²⁰ Boreux Ch. Musée National du Louvre, Département des Antiquités Égyptiennes: guide-catalogue sommaire. P., 1932.

²¹ Это не относится к «Сказке о потерпевшем кораблекрушение», так как почерк ее писца предельно ясен.

²² Helck W. Die Prophezeiung des Nfr.tj. Textzusammenstellung. Wiesbaden, 1970; *idem*. Die Lehre für König Merikare. Wiesbaden, 1977.

Точно так же обстояло дело и с преподаванием. Голенищев с радостью давал консультации своим коллегам, но не хотел браться за такое тяжелое, трудоемкое и по большому счету неблагодарное дело, как обучение студентов. В то время как в Петербурге жил один из крупнейших в мире знатоков египетских памятников и письма, Тураеву приходилось учиться у О.Э. фон Лемма, все-таки сильно уступавшего Голенищеву в классической египтологии, и совершенствовать свои знания в Германии. Были лишены постоянного общения с великим ученым и ученики Тураева. Последствия такой позиции Голенищева трагичны. Тураеву удалось подготовить группу молодых способных египтологов, но почти все они не пережили своего учителя и сгинули в катаклизмах конца второго десятилетия века. Начни Голенищев преподавать в 1880-х годах, все могло бы быть совсем по-другому. Это утверждение выглядит странным, ибо что может один человек против революции и гражданской войны, но оно представляется мне справедливым. Голенищев мог создать школу на поколение раньше Тураева, так что ко времени революции его ученики уже готовили бы своих учеников, а это была бы ситуация качественно иная по сравнению с тем, что случилось. Во-первых, здесь начал бы действовать чисто биологический закон, согласно которому большая популяция устойчивее к воздействию среды; во-вторых, как известно, в революциях и войнах зрелые люди выживают лучше, чем молодежь. В послереволюционные времена продолжали бы действовать достаточно опытные ученые, и школу не нужно было бы создавать заново, как это пришлось делать Струве в чрезвычайно тяжелых условиях. Поколение учеников Струве набрало силы только к 40-м годам, но было отброшено назад войной. В альтернативной истории с Голенищевым во главе школы, 1920-е–1930-е годы, столь важные в истории мировой египтологии, не были бы потрачены молодыми советскими учеными на то, чтобы делать себя самим, а были бы посвящены изначально гораздо более зрелым исследованиям. И такая альтернатива была вполне возможна. Каирский период Голенищева доказал, что он мог быть прекрасным учителем, и если он не стал им лет на тридцать–сорок раньше, то это от нежелания.

Возглавляя школу отечественных египтологов, Голенищев не сделал бы и ошибки Тураева, которая до сих пор нам дорого обходится. Тураев с его гипертрофированной православностью исходил из совершенно неверного посыла, что русские египтологи должны писать только по-русски – неверного потому, что молодая школа может *заставить* (именно заставить) иностранцев читать на ее родном языке, только продемонстрировав свои достоинства публикациями на языках традиционных для данной науки (впрочем, таким сильным школам, как, скажем, голландская или польская, это не удалось и уже не удастся). Тураев сам писал почти исключительно по-русски, так же поступали его ученики, а затем публикации за рубежом стали невозможными, и русская египтология надолго осталась для иноземцев экзотикой, чем-то, что может быть и существует, но никак не проявляется. Голенищев, при всей своей русскости, космополит, писавший в основном по-французски, ориентировал бы своих последователей на открытость миру и мог бы добиться того, чтобы к началу вынужденной изоляции русской египтологии к ней бы уже прислушивались. Опять-таки, применительно к определенной политической ситуации радикально изменить ничего было нельзя, но несколько смягчить положение было бы можно.

Увы, как принято говорить, история не знает сослагательного наклонения, и все эти возможности были упущены. В результате русская школа египтологии создавалась и пересоздавалась трижды, что не могло не оказать на нее сильнейшего воздействия. Великая заслуга Струве состоит в том, что он продолжил дело Тураева и практически на пустом месте, в отсутствие новой литературы и в условиях сильного идеологического давления, подготовил группу способных египтологов, составивших ядро второй школы. Этой группе мы должны быть благодарны за то, что она сумела выжить и отчасти сохранить тураевские традиции, переданные Струве, однако она была весьма ограничена в своих возможностях. Струве, сам отделенный от процессов, происходивших в мировой египтологии, не мог научить новым методам анализа памятников, и поэтому его последователи остановились в развитии в 1950-е годы, не исчерпав до конца своих потенциалов.

Сделать качественный рывок удалось только Н.С. Петровскому: достаточно сравнить его слабую чисто струвистскую кандидатскую диссертацию²³ и новаторские последующие работы²⁴, однако он был на поколение моложе и студентом получил подготовку у Ю.Я. Перепелкина. С именем последнего связан современный этап истории русской египтологии.

Перепелкин по сути дела создал русскую египтологию в третий раз и сумел совершить чудо – поднять ее на действительно мировой уровень. Здесь счастливо сложилось действие нескольких факторов – и его собственного таланта как ученого и учителя, и его независимости от традиции Струве, и замечательных талантов его учеников. В результате всего этого, а также и более стабильного, чем раньше, положения в стране, впервые пошел естественный, без катастроф, процесс смены поколений. Разумеется, утрата всякого большого ученого невосполнима, и нам за последние десятилетия довелось болезненно пережить уход старших учеников Юрия Яковлевича, однако впервые в нашей истории традиция не прервалась, и школа после ее золотого века середины 1960-х–1980-х годов не погибла. Мы сумели пережить отвратительные 1990-е годы, когда разваливалась страна, а на этом фоне уходили наши старшие, так что создавалось впечатление близящегося конца. Большая часть второго поколения школы Перепелкина, которому принадлежу и я, повела себя достойно, не опустила рук и не занялась ловлей благ в мутной околонуучной воде – и вот результат: в последние несколько лет начало заявлять о себе, и заявлять неплохо, уже третье поколение. Чтобы твердо встать на ноги, ему нужно очень многому научиться, но хороший начальный импульс оно уже получило. Сейчас мы имеем право сказать, что нынешнее положение русской египтологии более естественно, чем когда-либо. Раньше у нас всегда были ученые высочайшего уровня, но они оставались одинокими вершинами, вырастающими из ниоткуда, сейчас же стало складываться египтологическое сообщество. Немалую роль в становлении его играют ежегодные Петербургские египтологические чтения, о которых следует сказать особо.

Наши великие предшественники, видимо, никогда не испытывали потребности в подобных встречах и отчетах о своей работе, и поэтому собственно египтологические конференции, прошедшие за XX в., можно пересчитать по пальцам одной руки. Празднования столетия и столетиядесятилетия дешифровки иероглифов, конференция, посвященная столетию Голенищева – и это практически все²⁵. Отчасти это объясняется самодостаточностью лидеров нашей египтологии, отчасти несопоставимо большей, чем сейчас, сложностью организации, однако главное, кажется, в другом. Силы каждого поколения, раз за разом фатально оказывавшегося первым после конца предшествовавшей школы, уходили на создание себя и на самореализацию – на прочее их не оставалось и прочее представлялось неважным. Мы, несмотря на все трудности, находимся в несравненно более благоприятных условиях, мы гораздо более укоренены в египтологической традиции, и нашей, и мировой, мы не первые, и очень не хотим стать последними. Отсюда больший интерес друг к другу, к тому, что происходит вокруг, стремление не только писать, но и вести личную дискуссию. Вероятно, это естественная позиция не первого поколения (и, что немаловажно, поколения несеченого), так что здесь нет нашей заслуги – заслуга принадлежит нашим учителям, которым мы всецело обязаны и которым, к сожалению, не довелось увидеть этого результата своих жизней. Хорошо, что мы поняли, а главное прочувствовали, что наука есть общественный процесс, что

²³ Народное восстание в древнем Египте (по материалам эрмитажного папируса № 1116 В и лейденского папируса № 344). Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1951.

²⁴ Прежде всего: Сочетания слов в египетском языке. М., 1970; Звуковые знаки египетского письма как система. М., 1978.

²⁵ Речь, разумеется, не идет о многочисленных конференциях, посвященных древнему Востоку и древности в целом, на которых египтология всегда была представлена. Эти конференции важны и нужны, однако они по самой своей природе не позволяют делать акцента на главном – технике исследования. Думаю, что будущее принадлежит все-таки гораздо более специализированным встречам коллег.

сохраняться и развиваться она может только в диалоге. Доколе это понимание будет живо, в будущее можно будет смотреть с оптимизмом.

Заключительные рассуждения могут показаться не имеющими непосредственного отношения к Голенищеву, но это не так. Голенищев не создал собственной школы в русской египтологии, но для всех нас он в той или иной мере является заочным учителем. Учителей должно чтить, но следует и анализировать их ошибки, чтобы не повторять их самим – иначе уважение превращается в безжизненное и бессмысленное поклонение кумирам, а это самое страшное для их памяти, что только может быть. Вглядываясь в учителей, мы начинаем лучше понимать себя, вглядываясь в себя, мы лучше понимаем учителей и то, как развивается наука, и это понимание оказывается еще одним, посмертным их даром нам и еще одним вкладом в то дело, которым занимались они и которое продолжаем мы.

А.О. Большаков

THE 150th ANNIVERSARY OF THE BIRTH
OF VLADIMIR SEMIONOVICH GOLENISCHEFF

Both articles are devoted to the 150th anniversary of the birth of the eminent Russian egyptologist and orientalist Vladimir Golenischeff. The publication by V.A. Golovina brings to light the main landmarks in Golenischeff's life and scientific work. The other, written by A.O. Bolshakov, contains reflections on the scholar's personality, his destiny and position in Russian and world egyptology.